

Александр Уваров

Бардо дождя

Александр Уваров

Бардо дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48821026

ISBN 9785005093097

Аннотация

Действие повести происходит в две тысячи сто девяносто шестом году, на территории бывшей России. Россия того времени – рыхлый конгломерат враждующих коммун, где достигло апогея социальное расслоение населения. Целые кварталы бывшей Москвы обращены в руины. За нейтрализацию деструктивных элементов отвечает Комитет воздаяния, в котором особую роль играют маги государственной безопасности, нейтрализующие разрушительные действия особо опасных врагов коммуны.

Бардо дождя

Александр Уваров

© Александр Уваров, 2019

ISBN 978-5-0050-9309-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Провода перепутаны.

Я не вижу пола, стен. Потолок скошен. По нему течёт небо. Медленной бело-серой патокой стекает на дальний край города.

«Не надо моргать»

Придирается. Отчего так? Я вовсе не моргаю.

«Признаки в ощущениях таковы»

Предписание.

Сего дня, двадцать первого сентября две тысячи сто девяносто шестого года прежнего счисления, он же тридцать второй год Свободы и Смирения, мобильной службе Комитета воздаяния предписывается произвести оперативное изъятие гражданина конфедеративного округа 37 свободной территории Реутов-6, биоединицу уровня 0-0-22:

– Стейн Тимофей

Причина: терминальное состояние.

Время фиксации: 21 – 09 – 32 Свободы и Смирения,
22 часа 06 минут.

Начало акции изъятия (заполнять строго от руки! за личной подписью начальника мобильной группы!): 22 часа 32 минуты

Решения о проведении санации будет принято дополнительно капитаном Комитета уважаемым Гуром Борисси по представлению рабочей группы.

Внимание! Материалы оперативной разработки привлечённых агентов в рамках оперативной акции «Терминал-1» не подлежат общему учёту в канцелярии Комитета.

Хранение в особом режиме!

Уровень 0-0-22. Биоактивность понижена. Состояние «Нигредо».

Двадцать два. Сумма – четыре.

Цифровое обозначение смерти.

Настойчивая фиксация на образах распада, ухода, небытия.

Холод. Сухо-горький вкус земли, мучительно тянущий желудок на выверт.

Монстры, чудовища, нежить.

Некорректируемое депрессивное состояние.

Ноль – на первом уровне. Отсутствие социальной мотивации.

Ноль – на втором уровне. Отсутствие социальной активности.

На третьем уровне – двадцать два. Шелестят бумажные розы.

Стейн, это приговор. Правда, Тима?

– Вам известна причина вашего ареста?

Старая, добрая, тёплая на ощупь бумага. Так давно не прикасался к ней! Пластик холодный, полимер холодный, всегда холодный – когда бы ни коснулся его.

Всегда, чёрт бы его драл! Всегда!

Мычу, киваю в ответ.

– Я слишком печален. Так, кажется?

Офицер улыбается.

– Так, друг мой. Так. У нас мало времени. Мало, потому что вы очень печальны.

К делу?

– К делу! Лекарства вам давали? Укол?

Киваю в ответ. Возвращаю копию предписания.

Отчего отпечатали его на бумаге? Такая расточительность... Такая честь для простого «аута» получить такое роскошное, бумажное, с печатью Комитета – в распоряжение. Хотя бы на три минуты.

И сколько времени потратили на меня добрые санитары!

– Ещё обследование...

Поёживаюсь. Зябко. Отобрали одежду. Да, так себе одёж-

ка была. Потёртые полимерные брюки. Серо-стального цвета. Красная, из лаковой бумаги, накидка – подарок благотворителей.

– У вас долг? И проблемы в личной жизни?

У меня нет проблем в личной жизни. У меня нет личной жизни.

Теперь без одежды. Не считать же одеждой бледно-зелёный больничный мешок из прорезиненной ткани, что набросили на меня комитетские санитары.

Улыбаюсь.

– У меня проблем уже нет. Проблемы кончились.

Офицер улыбается.

– Мы в курсе, Тимофей. Социальная ангезия с летальным исходом. Печальный результат психологической травмы...

Мужичок приторно-интеллигентского, прямо-таки вызывающе профессорского вида (синяя академическая мантия, золотистая налобная повязка, просветный ридер сжимает длинными свечными пальчиками, бородака – как положено, торчком и спутанная) сидит в уголке кабинета.

Тихо сидит, но быстрыми глазками сверкает в мою сторону.

А тут он голос подаёт. Хихикает. И не как-то робко, тихо, в кулачок. Очень даже громко. Потом прыскает, слюной обмочив поднесённый ко рту кулачок.

– Ангедония! Ха! Вот этот случай! Он не испытывал удовольствия от варки в котле нашего дегенеративного социу-

ма! Какой редкий случай!

И снова: «хи-хи-хи!»

По хозяйски себя ведёт. Я сразу это почувствовал. Сидит вроде и незаметно, но ведёт себя...

Кто такой? Что забыл этот огрызок образованский в комитетском кабинете? Зачем к капитану заглянул?

Не из любопытства же. По мою душу... Собирает материалы для очередного доклада?

Может, и собирает. Но стали бы гада такого в Комитете принимать. И двери перед ним открывать. И навтыяжку...

И представить себе не мог, что можно сидеть навтыяжку. А капитан вот сидит. Перед «профессором» худосочным тянется (я сразу странного мужичка стал мысленно называть профессором... ошибся, конечно... кто ж первому взгляду верит!)

Чего тянется?

Вот, перестал тянуться. К делу перешёл.

– Терминальное поведение в социально опасной форме...

Провёл рукой над фотопанелью. Бело-туманная плоскость возникла над столом и так, чтобы видно было и мне, развернулась градусов на тридцать. Побежали по ней – буквы, цифры, ленты фотографий.

Досье.

– Вот причина вашего ареста. Официальная причина.

Задаю первый глупый вопрос.

– Следили за мной?

– Три с половиной месяца, – подтверждает офицер.

Странно, что ответил. Мог бы и не отвечать. Мог бы срок не называть.

Три с половиной?

Провожу рукой по лбу. Пот.

Червяк, наглый и липкий червяк завёлся в груди, сосёт сердце.

Тоска. А потом – раздражение. Растущая злость. Гады!

Три с половиной месяца. Они началу слезку сразу после того, как Катрина...

– Хорошее, простое русское имя – Катрина.

«Профессор» снова хихикает. Издевательский смешок.

Вот дать бы ему...

На полсекунды поворачиваю голову.

...по белой, скуластой, мучной роже! По вплавленным в бесстыжие глазёнки синим линзам оптокорректоров! По серым, издёргавшимся в издевательских смешках, ниточно-тонким губам!

Дать!

И...

Надо задать ещё один вопрос. Дышу глубоко.

Ещё один глупый вопрос:

– А то, что я принял ризин, ставит общество под удар? Весь округ под ударом или только мой уголок? Тот, что возле железной дороги...

Смеюсь. Да, теперь моя очередь смеяться.

Офицер озабоченно смотрит на чёрную панель часов. Переводит взгляд на экран полицейской инфосистемы. Снова на часы...

Бормочет: «это нам решать...»

– По данным службы наблюдения, ризин вы приняли в двадцать два часа шесть минут, – подаёт голос «профессор».

Офицер морщит лоб. Полоска стриженных «в ёжик» волос ползёт вниз.

Вот как, оказывается, мыслительный процесс-то выглядит. Призадумался. Обеспокоился.

И что у него взгляд скачет? Для чего время отмеряет? А ведь отмеряет, не иначе!

Они меня подыхать сюда привезли.

– Прошло около двух часов, – продолжает «профессор».

– А если точно,.. – подаёт голос офицер.

– Заткнулись, господин капитан! – бросает команду «профессор».

Капитан подчиняется, даже не пытаясь возразить. Чешет кончик носа.

– Данные диспансеризации и сканирования желудочно-кишечного тракта показывают, что токсины достаточно активно действуют на ваш организм и примерно...

На мгновение прикусил губу.

И выдал:

– Да, в общем, теперь уже в любую минуту можно ожидать

существенного ухудшения вашего состояния. Ткани кишечника, печени и почек поражены весьма серьёзно... Ударную дозу приняли?

Пожимаю плечами.

– Не считал. Касторовые бобы дешёвы. Даже при моих доходах можно было бы купить. Но – не покупал. Бродил, знаете ли, по заброшенным полям в окрестностях Вишняковского леса... Там, знаете ли, руины одни. Говорят, когда-то это место было обжитым и многолюдным. А теперь вот выросли одни...

Офицер грозит пальцем.

– И чужие земельные участки. Со строениями!

Возражаю:

– Хижины одни. Еду на костре варят! А клещевину разводят на масло. Из него, говорят, какое-то топливо для мотоциклов научились делать. А ухаживать за растениями лень, вот и...

Прикладываю ладонь к груди.

– Только воровство мне не шейте! Я бобы честно добыл, на заброшенном участке!

– Щедро насобирали, – выдаёт неприятно заскрипевшим и истончившимся голосом «профессор». – Горстями бобы жрали? Что уж наверняка? Совсем жить не вмоготу, терминальный вы наш?

И хлопает в ладоши.

– Это хорошо, это очень хорошо!

А я прошу их:

– Отпустили бы вы меня? Ей-богу, опасности от меня никакой! Отпустили бы сдохнуть, да и дело с концом! Лёг бы на травку где-нибудь в парке, а там...

Офицер снова бросает взгляд на часы.

– И в душ меня зачем-то таскали. А зачем? Будто грязь что-то значит. В моём положении...

– В твоём положении?!

«Профессор» перебивает меня.

И срывается на крик.

– Положении! Болван! Воистину, болван! Хочешь, я расскажу тебе, какое у тебя положение?

О, положение чудесное, комок ты грязи! Твою беременную подругу раскатал по мостовой один важный чиновник. Произошло это четыре месяца назад...

Тошнотная резина подкатывает к горлу. Отступает, гуттаперчевым шариком медленно проползая по пищеводу – от горла к желудку. Задерживается на мгновение. За это мгновение горькая слюна успевает заполнить рот до краёв.

Шарик прыгает вверх. Неожиданно резко.

– ...Ты что-то пытался объяснить этому ублюдку? Пытался рассказать ему о его неправоте, духовной деградации, общей толстокожести и моральном помешательстве?

– Поднятым с земли камнем пытался повредить ситикар, – добавил от себя комитетский, сверившись с записями в личном деле (да, теперь я понял, что это именно личное

дело и именно моё!). – Дело было возле правительственного квартала, в лесу имени Балчуг-Кемпинского. Зброшенное место. Там развалины одни... Да, и чего туда забрели? Молодые, глупые...

«Профессор» совсем завёлся, заверещал:

– Помнишь, как надели на тебя наручники? Как беременную женщину избивали у тебя на глазах? Сколько ты отсидел? Где-то около двух недель... Все нам известно, разве только нет фотографий тех коньячных клопов, которые тебя заживо пожирали в тюремном блоке... Тюремщики называют этих тварей – «коньячными». Запашок-то, когда раздавишь!

И снова хихикает! Ой, мразь!

– Она не дожила, так ведь?

Они умирала. Две недели она медленно умирала, одна, в пустой квартире. У неё не было работы и медицинской страховки. Работа и страховка были у меня. Были – до заключения в тюрьму. А ей отказали во врачебной помощи. Все отказали, все – даже Общество милосердия. Милосердным кто-то сообщил, что её друг в тюрьме. По обвинению в нападении на предпринимателя, у которого в администрации кондоминиума много важных и полезных друзей.

Кажется, дня за два до моего освобождения начались схватки. Выкидыш. Потеря крови. Смерть.

Крики испугали соседей. Кто-то из них позвонил и пожаловался на «антиобщественное поведение». Когда приехали

люди из Комитета воздаяния, она была уже мертва.

А когда я вернулся, в квартире было пусто. Тело увезли... не знаю точно, когда именно... Кажется, его уже успели кремировать до моего освобождения.

В коридоре – бурое пятно, высохшая лужа крови. Полосы по синей штукатурке. Следы ногтей.

Царап... Когда больно...

Быть может, она была ещё жива, когда её увозили? Быть может, была ещё жив и когда засовывали её в печь?

Кто мы такие? Кому есть дело до нашей боли? Кому это вообще интересно?

Все, что я узнал о последних её днях, рассказал мне квартирный. Не из жалости и сочувствия. Нет, он посмеивался... Надеялся, что я не выдержу и брошусь на него с кулаками. А там – новый срок для меня и благодарность ему от начальства за задержание «особо опасного социопата».

А я даже не плакал. Сидел с каменным... мне так казалось, что с каменным лицом.

Потом встал и ушёл из собственного дома. И бродил, бродил без цели, без дороги, без мыслей, без будущего. Вот так...

И что, они следили за мной? Как они...

Провожу ладонь по затылку.

Где-то на моём теле метка? Они вшили мне метку, пока я был в тюремном блоке?

Может, и выпустили потому, что нашли место для меня

в своих планах. Иначе гнить бы мне вечно в...

Впрочем, мне и так от распада не убежать. Нигредо, чёрт бы его драл!

– И ты решил просто сдохнуть? Просто так? Бездарно и бесполезно? Потеряв всё и простив врага? Воистину, ты лучший из противников. Твоя рожа достойна хорошего плевка!

«Профессор» кривится, на этот раз – подчеркнуто брезгливо.

– Ничтожество! Ты даже не смог похоронить её! И его – своего сына. Да, у тебя мог бы быть сын! Мы и это знаем. А ты не знал? И не узнал бы никогда! Что ты сделал? Вот так просто и незатейливо – спятил и убил себя. А он? Этот гонщик... Он жив! И будет жить!

Секунду «профессор» держит паузу.

Шарик горькой гуттаперчи пробивает горло. Я сблёвываю зелёную лужицу на пол.

Офицер шипит кошачьи и тянется к кнопке вызова.

Но замирает под строгим взглядом «профессора».

– Покажи! – командует тот.

Офицер рисует ладонью какой-то сложный зигзаг и от кнопки ведёт к панели управления. От волнения выбирает явно не тот масштаб отображения фотофайла и...

А почему, собственно, не тот масштаб? Может быть, именно тот, что надо. Тот, что и был запланирован. Задуман.

Предусмотрен хитрым их планом.

...и в воздухе, заняв едва ли не четверть объёма комнаты, возник вдруг в красновато-оранжевом тумане портрет бледнокожей той гадины с прозрачными, тонким серым ледком подёрнутыми глазками, вмиг уставившимися – прямоком на меня!

Голого, сдыхающего, засунутого в прорезиненный больничный мешок.

Но не было в этом ноябрьском взгляде торжества. Триумфа – не было. Светлые кристаллики хрустящей шуги, смешанная с белым речным песком вода. И по краям, спрятанный, но выплывающий, упорно выплывающий из-под снежной каши – страх.

Почему-то вижу его. Тогда, четыре месяца назад, не заметил. Но увидел – сейчас.

– Помнишь его? – спрашивает «профессор».

Киваю в ответ.

– А теперь слушай меня внимательно. Это твой шанс. Шанс изменить судьбу. Нет, не эту, которую ты уже загубил. Ту, другую. Которую мы тебе выдадим из наших тайных запасов. Смерть – просто перемена тела. С потерей памяти, полной или частичной. Мы поможем сохранить память и станем твоими проводниками в мире Перехода. Понимаешь, о чём я говорю? Понятен тебе смысл моих слов?

Нет, мне ничего не понятно. Я не понимаю, о чём говорит этот странный тип.

Морщу лоб. Нет, дурной из меня актёр. Ничего не полу-

чается с имитацией мыслительного процесса.

Усилия приводят лишь к тому, что усиливаются приступы тошноты. И жидкость, теперь уже почти бесцветная, снова течёт через горло, обмазывая губы липкой слизью.

– Борется организм, – удовлетворённо замечает «профессор». – Так, пожалуй, ещё два десятка часов протянешь. Если верить нашим мудрым и многоопытным докторам. А они много чего такого повидали...

Хочется спросить, чего же «такого» повидали эти доктора. И что за сделку (именно сделку, не иначе) предлагает умирающему от рициновой отравы наш гуманный конфедеративный Комитет. И ещё хочется попросить офицера, чтобы отпустил меня... ну туда, где друг-унитаз...

Потому что, похоже, одной лишь рвотой дело не ограничиться. Упрямый зверь-организм очень хочет жить.

– Так что же, Тимофей? – включается в интересный наш разговор офицер. – Отомстим ублюдку?

Он кивает на изображение прозрачноглазого.

– Ему... Он ведь приказал охране вас избить? Оттащить вашу подругу в канаву? И бросить её там... Он достоин жизни? А вы смерти? Не поверю, что вы согласитесь с этим.

Самое время задать детский вопрос.

– Чего вы хотите? И кто вы?

– Капитан Чегоди, – представился служивый.

– Не-а...

Совсем уже ребячьи болтаю ногой. Правой, затекшей но-

гой. И сплёвываю на пол. Они терпят мои пакости, жидкость выходит из меня... Должно быть, старательные у них тут уборщицы.

– Не вы... Вот этот человек, что сидит в углу вашего кабинета. И говорит странные вещи... Кто он?

– Да! – кричит «профессор». – Капитан, представьте меня! Но только уж по всей форме, без скороговорок и сокращений.

Капитан встаёт. Поправляет китель.

И чеканит:

– Верховный маг Правительственного совета Свободных Российских территорий, доктор некромантии и некрологии, понтифик Транс-Реалии, магистр спиритологии, Верховный Мастер некронавигации и Господин Белого шара Анастасий Сабельев.

Надо же... Столько званий, и каких.

Тру губы ладонью. Стираю клейкий налёт.

– Признаться, теперь уж совсем ничего не понимаю.

А больше всего поразило то, что у странного этого типа фамилия заканчивается на '-ев».

Мне кто-то говорил (кто-то из едва знакомых приятелей, сослуживцев-письмоносцев Отдела торговых уведомлений, рассказывал давно и как-то между прочим, так что поначалу на слова эти и обратил внимания, но, выходит, всё-таки запомнил), что фамилии, заканчивающиеся на '-ов»,

«-ев» и '-ин» (кроме фамилии «Георгин», весьма распро-

странённой среди цветочников южных территорий) – очень древние. И встречаются крайне редко, поскольку из широкого употребления вышли лет сорок назад. И обладателей таких фамилий мало осталось, и принадлежит они, должно быть, к древним и славным родам, корнями уходящим к тем временам, когда бывшая ещё страной наша конфедерация свободных территорий...

Ой, чёрт!

Будто резакom полоснули по животу. Такая неожиданная, резкая, до слёз, до мычания – отточенной ножевой кромкой режущая боль.

Срываюсь на крик:

– Так что вам нужно от меня?! Что?!

Капитан, смущённо переминаясь с ноги на ногу, косит в сторону мага.

– Магистр Анастасий, тут вы уж сами... Сами скажите ему... Я в этих ваших делах ничего не понимаю.

В старом доме на странной земле было тихо.

Деревянный двухэтажный дом на краю поляны оплетён со всех сторон плотно сросшимися ветвями тёрна, сквозь густоту и непроглядье колючих побегов которого пробивались лишь толстые коричнево-зелёные стебли чертополоха.

Дом, когда-то очень давно покрашенный бирюзовой, теперь уже выцветшей и выгоревшей до бледной, голубовато-серого невнятного оттенка краской, с фасада зарос вино-

градной пышной бородой, а боков – бешеным огурцом, свесившим с поката крыши тугие и колючие свои шары, наполненные созревшими семенами.

Тыльная же сторона дома была ему не видна. Но, верно, и она заросла. Густо. Непроходимо.

Почему-то он был уверен, что – непроходимо. Зелёным непроглядным, спутанным сплетением.

Он не помнил, как прошёл через лес. И не понимал, как сумел пройти. Ведь казалось... Да что там казалось, и впрямь невозможно было пройти, пробраться, пробежать, пусть даже с закрытыми глазами, сжатыми губами и остановившимся дыханием сквозь этот горящий, полыхающий, потоками пламени залитый и высокими огенными столбами перекрытый лес.

Горящий лес со всех сторон окружал поляну.

И Кузьма никак не мог понять, как получилось у него пробраться через этот лес.

И почему...

Он коснулся волос.

И почему не обгорели...

И провёл руками по одежде.

И одежка без подпалин. Цела! Совершенно цела.

И ещё...

Он внимательно осмотрел ладони. Закатал рукав на левой руке. Пощупал кожу.

Удивлённо покачал головой.

Никаких ожогов. Ни пузырей. Ни пятен. Ни вздутий. Вообще – ничего. Светло-розовая кожа. Скорее, светлая. Просто светлая с еле заметным розовым оттенком. Кровь к ней почти не прилила.

Он не чувствует жар.

Кузьма опустил рукав рубашки. Застегнул пуговицу на рукаве. И продолжил путь.

Путь? Какой путь?

«К дому... Почему я к нему иду?»

Странный лесной пожар.

Нет запаха углей. Горящего дерева и вскипающей сосновой смолы. Не слышен треск погибающий в оранжево-алом пекле могучих стволов (а ведь охвачены, охвачены они пламенем! проступают тёмные контуры их сквозь огневою завесу!)

И вообще...

Он опять остановился. На миг. Прижал ладони к ушам. Отпустил. Снова прижал. И снова отпустил.

«Что же это? Оглух?»

Щёлкнул пальцами.

И отчётливо различил на фоне ровного гула порождённый движением его пальцев отрывистый звук.

«Но что же тогда происходит? Почему так тихо?»

От лесного пожара...

От пожара ли?

...исходил лишь ровный и негромкий, временами едва

различимый, ровный и однотонный глухой гул.

Словно однородный, искусственно синтезированный горючий материал размеренно и ровно перерабатывался поддерживаемым регулируемым поддувом пламенем в гигантской, наглухо закрытой створками топке, сквозь вентиляционные прорези которой и мог бы долететь до слуха оказавшегося рядом наблюдателя такой вот протяжный и глухой звук.

Но лесное дерево не горит так! Не должно...

И искры... Они должны лететь! Кружить в воздухе красным жалящим снегом! Они должны засыпать поляну!

Кузьма втянул голову в плечи. Снова остановился и огляделся.

Их нет! Нет! Нет искр!

И ветер.

Лесные пожары раздувает ветер. Пожары раздувают ветер. Вверх, к небесам...

Кузьма запрокинул голову.

...Ветра нет. Воздух застыл.

А над головой, и кажется – всего-то метрах в пятидесяти, тёмно-серая плотная пелена. Такая плотная, что на вид – будто матерчатое покрывало.

«Это небо? На нём – ни единого отсвета. И от него свет не исходит. Тонет...»

Кузьма опустил голову. И пошёл вперёд, к дому, решив больше уж не останавливаться.

Хоть и не знал, зачем он идёт туда. Не знал, ждёт ли его

в этом доме хоть кто-нибудь. Есть ли там хоть кто-нибудь. А если есть, то примет его этот кто-то. Или, скажем, прогонит.

«А если прогонит, то куда идти? В огонь?»

Идти было некуда. Возвращаться некуда. А впереди, по крайней мере, дом. Незнакомый, неказистый... быть может, и негостеприимный, но дом.

Кузьма постоял у крыльца с полминуты. Негромко покашлял в кулак. Посмотрел на закрытые жёлтыми ситцевыми шторами запылившиеся до непроглядности окна.

Отметил, что, не смотря на его появление и дружественное покашливание, шторы остались неподвижными.

Либо хозяева его не заметили, либо не придали никакого значения его появлению у дома.

«Либо никаких хозяев нет вовсе!»

Кузьма, осмелев, быстро поднялся по опасно заскрипевшим под массивными ботинками ступеням, и, потоптавшись для приличия немного на крыльце, постучал в дверь.

Выждал немного.

Вятнув руку, постучал кончиками пальцев в ближайшее к крыльцу окно.

Вытер запачкавшиеся пальцы о джинсы.

Ещё с полминуты ждал ответа.

«А ну вас!»

И, повернув дверную ручку, потянул дверь на себя.

«А если заперто?»

Дверь подалась и с длинным печальным скрипом приоткрылась.

Кузьма просунул голову в дверной проём и произнёс негромко:

– Есть кто...

Закашлялся от полезшей в нос многолетней пыли.

Потом закончил фразу:

– ...тут? Здесь?

Задумчиво добавил:

– Живой...

«Типун мне на язык! А если тут покойник?»

Кузьма слегка оробел и перекрестился.

Покойников он не любил. Хотя ничего плохого они ему не делали. Разве только дурно выглядели.

Покойников он видел...

Но лучше уж никого в доме, чем – упокоившийся.

«Лучше уж никого, чем...»

Распахнул дверь пошире.

Не дождавшись ответа, шагнул внутрь.

Покрутил головой, высматривая затаившихся невдалеке хозяев (отчего-то всё не верилось ему, что в доме никого нет и казалось, что кто-то непременно должен гостя поджидать и, возможно, у самых дверей).

Увидел мельком слегка тронутые серой древесной плесенью ровно тёсанные доски, из которых были собраны стены дома.

И с удивлением отметил, что где-то в глубине дома горит свет. И потму видит он и эти доски, и плесневые разводы.

И ясно различает бежево-жёлтый деревянный пол под ногами.

И может спокойно, не на ощупь, пройти внутрь дома. И увидеть обстановку его. и предметы в комнате. И в глубине комнаты – лестницу, ведущую на верхний этаж.

Обстановка...

Кузьма медленным, отчасти даже вкрадчивым, лисьим шагом вышел на середину комнаты.

И огляделся по сторонам.

Неспешный панорамный обзор этот выявил обстановку вполне обычную для такого вот, заброшенного места.

Увидел Кузьма стоявший посреди комнаты овальный стол, накрытый когда-то белой, но со временем пожелтевшей скатертью с узорчатыми краями, далеко свешивающимися за пределы столешницы и потому едва не до середины закрывающими гнутые, с красными резными накладками ножки.

Бронзовый подсвечник посреди стола и рядом с ним – собранный на чёрном жестяном подносе постаромодный фарфоровый чайный сервиз с пухлыми ангелочками на чашках и афродитистой дамой пышных форм на заварочном чайнике.

Четыре стула с высокими мягкими спинками, расставленные вокруг стола.

Увидел широкий велюровый диван, заботливо укрытый

зелёным, украшенным бахромою покрывалом.

Увидел затёртую до проплешин медвежью шкуру на полу и декоративные олени рога, развешанные по стенам.

На стенах же – едва различимые бледные эстампы в тонких деревянных рамках.

Сложенный из грубо обработанных камней камин, обложенный брусом, защищённым от жара листьями гнутой стали (возможно, изнутри для верности проложенной каким-нибудь негорючим материалом).

Впрочем, брус, похоже, давно уж не требовал защиты от жара.

Огонь в камине в последний раз разводили...

Кузьма не смог сдержать улыбку. А потом и нервный, неровный, истеричный смех.

– Да тут кругом огонь! Кругом! Повсюду!

«Но свет... Откуда свет?»

Он посмотрел вверх.

Свет шёл сверху. От подвешенного под самым потолком большого медного светильника, по широкому кругу которого расставлены были толстые, на долгий вечер рассчитанные свечи.

Свечей этих Кузьма насчитал восемнадцать.

Горели они ровно, без треска, дрожаний и прыжков пламени, выбрасывая далеко вверх длинные оранжевые языки.

Кузьме, конечно, неведома была изначальная высота свечей, но очень приблизительно прикинул он, что сгорели они

едва ли на одну пятую часть, так что едва ли зажжены были заранее, за много часов до его прихода.

Конечно, не знал он, как быстро сгорают эти свечи. По ширине можно было бы предположить, что хватает их надолго. Очень даже надолго. Быть может, не только на вечер, но и на всю ночь.

Но каким бы неспешным не было их горение, зажечь их могли сравнительно недавно.

«Точно! Недавно! Не могут же они несколько дней гореть! Стало быть, не такое уж позаброшенное это место...»

Мысль эта вызвала в душе его лёгкое, но отчётливо ощущаемое беспокойство.

На такой странной земле и жители, должно быть, странные. А встреча со странными жителями может быть и весьма неприятной.

Нет, конечно, может быть и вполне безопасной. Или даже приятной. Но скорее всего – нет.

Земля не просто странная. Она...

Кузьма ещё раз осмотрел ладони.

«Ни одного ожога... Я, что же, и за ветки горящие не хватался?»

В общем, лучше бы без хозяев. Просто переждать пожар. А потом...

«Куда потом? Куда мне идти? Как я вообще сюда попал? Ничего же не помню! Ничего! То есть...»

Он прошёл через комнату и с усталым вздохом присел

на диван, смяв покрывало.

Потом, не выдержав искушения, прилёг.

«То есть, помню...»

Он и сам не заметил, как течение мыслей стало замедляться, а сами мысли – путаться и самым странным образом перемешиваться.

«Помню, что зовут Кузьма. Кузьма зовут, а куда зовут... Это имя такое, я полагаю. А фамилию свою не скажу, потому что не помню. Не помню...»

Он усмехнулся. Вяло. Будто через силу.

«Фамилии у меня и не было. Я так полагаю... Свечи зажёл не я. А я сюда пришёл... Откуда – не помню... Кто-то ударил по голове... в лесу кто-то ударил или не ударил... В лесу напали лисы, медведи и актрисы... кусали, не кусали и весело плясали... Куда потом? И когда? А если не переждать... может, пожар тут – вечно...»

И на этом заснул Кузьма.

И спал долго. Если бы были часы в том доме, я бы сказал, сколько времени он проспал. Но часов в том доме не было.

И время в нём шло как-то странно: то быстро, то медленно.

И свечи горели не так, как должны гореть свечи: ровно и последовательно. Они горели, но отчего-то не сгорали. Как остановились на уровне примерно четырёх пятых от высоты своей, так и держали огоньки именно там. Не уменьшаясь.

Кузьма спал и не видел снов. Сон его был глубокий.

Колодец. Беззвучный. Слепой.

И выбрался из сна Кузьма... Нет, не знаю, через сколько часов. Говорю же, что время в том доме странно двигалось.

Может, там и вовсе времени не было.

В общем, выбрался Кузьма из сна. Вдохнул. Выпрямился. Потёр ошалело глаза.

За столом сидел и смотрел на него добрым, лучистым взглядом какой-то совершенно незнакомый ему парень с блондинистыми, коротко стриженными и при том взъерошенными волосами, с глазами синими и по-детски искристыми.

Смотрел и улыбался. Широко. Гостеприимно.

«Во как!» подумал Кузьма.

И проснулся окончательно.

– Добро пожаловать, – сказа незнакомец. – Здравствуй, друг Кузьма. Это Земля Пожаров. Тебе понравится здесь.

«Господи, помоги мне выбраться отсюда!» взмолился Кузьма.

И улыбнулся незнакомцу.

– И тебе привет. Ты и есть мой покровитель?

Шаба подлетел в воздух, брызнув синими искрами.

Кувырнулся через голову и, зависнув над бурой болотной травой, бросил навстречу Псу белый, смертоносным огнём наполненный шар.

– Шаба!

Пёс, отпрыгнув в сторону, прочь с тропы, по пояс провалился в тяжёлую болотную чёрно-торфяную топь и, нагнув голову, занырнул в трясину, спасаясь от налетающей огненной волны.

– Шабба!

Стих до звенящего металла усиленный репродуктором голос певицы.

Газировка в картонном стаканчике перестала пениться, лениво выпустив последние пузыри.

«А сейчас ещё и нагреется...»

– И надо было вас одних бросать! – с запоздалым сожалением и своевременной укоризной в голосе сказала Катя.

Сергей затряс головой. Так часто и резко, что едва не расплескал «Буратино».

– Стоило!

Жена сдвинула брови.

– Ребёнок где?

Сергей замычал, выводя невнятно что-то вроде: «А-ам!» и махнул рукой в сторону кустов сирени.

– Где там? В семье должен быть хоть один взрослый человек!

– Да на карусели, – пояснил Сергей, как будто даже и удивляясь странной непонятливости жены.

– Ну, мало ребёнку. Он попросился... А я отошёл... На минуту... Ничего же не случится! Что ты всё время...

честное слово...

И отпил из стаканчика нагревшуюся уже (вот досада!) леденцового вкуса жидкость.

«Да, с минутой я, конечно, погорячился. Преувеличил слегка, прямо скажем...»

Сирень зашевелилась и рывкнула грозно:

– Чей ребёнок? Почему в третий раз без присмотра на карусель лезет? Вот же...

Ветви качнулись на поляну, весьма бесцеремонно волоча за собой слегка упирающегося мальчишку лет пяти, выбралась женщина с апоплексически-алым лицом и усталым (и отчасти дежурно-грозным) взглядом.

– Мне это надо? – спросила она сирень.

Та махнула в ответ серыми лепестками поздних, уходящих соцветий.

– На минуту? – переспросила Катя.

Сергей опустил голову. И вылил газировку в траву.

– Они? – спросила женщина с алым лицом.

Ребёнок уныло кивнул в ответ.

– Эх, Митя, – прошептал Сергей. – Договорились же, что возле будки ждать будешь. А сам...

– Я с тобой ещё поговорю! – пообещала ему Катя.

И протянула руку.

– Ребёнка верните родителям!

Женщина, выпустив митину руку, погрозила напоследок:

– Вот они, родители-то современные! Мы за своими

детьми смотрели. Одних не бросали где попало! Время другое было, и порядка больше... Вот на работу-то вам, мамаша, написать надо, чтобы знали, как вы с ребёнком...

Остаток фразы она договаривала уже на обратном пути к площадке аттракционов, изрядно удалившись от супругов, посему окончание слов затерялось где-то в зарослях парковых кустов.

– А я не хотел ещё кататься, – сообщил Митя. – А Борька сказал, что слабо. А я ему говорю, чего слабо, ещё пойдём. А он...

«По острым иглам яркого огня!..» завопил динамик.

Воздушный змей взвился над верхушками деревьев и, подпрыгивая на упругой ветровой волне, поплыл, распустив бечёвочный хвост, в сторону пруда.

«Сейчас прощения будем просить» шепнул сыну Сергей.

Тот понимающе кивнул в ответ.

И бодро заголосил:

– Дорогая наша мама!..

– Да хватит вам! – прервала намечающийся концерт семейной самодеятельности мама.

И предложила:

– Пойдём на пруд сходим...

– На лодке кататься? – подхватил Сергей.

– Хоть и на лодке, – согласилась Катя. – Уж там вы точно под присмотром... Два горя луковых!

И вздохнула.

Ремень на запястье.

«Транс-Реалия – это особое состояние в мире бардо посмертного существования. Смерть наносит тяжкий удар по сознанию, стирает элементы личности, память, разбирает на кирпичики-первоосновы наше призрачное «Я». Но удар, даже самый сильный, не означает уничтожения.

Каждый кирпичик несёт в себе частицы вашего сознания, вашей самости. Главное же в том, что кирпичная кладка, если использовать строительную аналогию, разрушается не полностью.

Магические технологии, разработанные нашими специалистами, позволяют сохранить при переходе не просто некие куски личности, пусть даже и значительные, а полное и гармоничное сочленение основных блоков сознания некрона...»

«Кого?»

Гаснет свет. Светит красная лампа над дверью.

Оттого всё кажется тревожным, грозным, значительным.

И слова звучат величественно и значительно, будто рассказчик и впрямь вдохновлен и наполнен необыкновенной, с иной стороны, из астральной стороны изошедшей силой.

«Некрона. Так мы называет находящихся в бардо и сохранивших самость посланников, с которыми мы сохранили связь.

Бардо – это переходное состояние. В вашем случае...»

Ремень затягивается, пережимая кровоток. Покрытое подсыхающими экскрементами и серыми блевотными потёками тело переворачивают на бок...

«Мы устали тебя мыть» шепчет санитар, подкладывая ладонь под спину.

...и удерживают в таком положении. Санитар зажимает артерии на шее.

«Текло из тебя непрестанно» не умолкает санитар.

Тиши ты! Мешаешь слушать...

Крикнуть бы, но сил на крик уже нет.

«...это переход между двумя жизнями. Не думаю, что вам удастся избежать следующей жизни. Но вы же этого и не хотите? Вам не нужно растворение, вам не нужно единство с Исходным. Вам нужен второй шанс, и мы вам его даём.

Итак, что требуется?

Не утратить контроль над самим собой. Мы не знаем, в каком именно мире вы окажетесь. Мы не знаем, куда занесёт вас поток космической реки, в каком из миллионов промежуточных миров вы откроете глаза, как будут вас знать, какие ложные воспоминания и впечатления навевает вам Мара и заблокированные вами мусорные остатки вашего псевдосознания.

Это сложно объяснить, но в целом можно сказать, что в промежуточном мире Бардо посмертного состояния ваша личность будет представлять собой необыкновенно пёструю и эклектичную смесь нескольких псевдоличностей, сфор-

мированных потоками нереализованных желаний, влечений и чувств, весьма причудливо соединённых с остатками вашей личности минувшего Бардо жизни, пропущенными через частое сито смерти.

При этом, судя по результатам наших предварительных исследований, чем больше у вас было накоплено нереализованных страстей и чем более были они причудливы, тем сильнее и опасней будет родившееся в промежуточном бардо существо.

Именно по этой причине ваши слабости уже уходящей жизни...»

Хрип. Гул нарастает. Свет бледнее, желтеет, из красного превращаюсь в тускло-оранжевый.

«...становятся источником вашей силы в мире бардо.

Понимаете, почему вы выбрали именно вас?»

Стон в ответ. И слабый хрип.

«...о взамен...»

«Что взамен? Новая жизнь.

Наши маги сохраняют с вами связь с помощью технологий Белого шара. После смерти ваш ещё неостывший мозг будет помещён в это устройство, что позволит нам сохранять информационно-управляющий канал, который позволит некронавигатору безошибочно вывести вас на объект преследования.

Этот объект – нежить. Обитатель мира Бардо посмертного состояния. Ни в одном мире нет постоянных обитателей, все

приходят и уходят, пересекая границы. Но ваш противник – существо особого рода.

Он был создан в мире бардо земными магами для того, чтобы обеспечить астральное прикрытие тому мерзавцу, который искалечил вашу жену и походя выбросил с сточную канаву всю вашу жизнь.

Этот человек – важный правительственный чиновник и по понятным причинам нисколько не боится земных судов. Но вот кармический суд страшен. Не ему нет, в силу ограниченности интеллекта о кармическом суде он не имеет ни малейшего представления.

Страшен тем людям, великим магам, которые обеспечивают безопасность корпорации правительственных чиновников свободных территорий.

Эти люди создают Протекторов, потусторонних существ, чья задача – блокировать негативные кармические воздействия, в том числе приходящие из промежуточных бардо, и прикрывать астральные тела «младенцев» от воздействия Закона.

Да, таких, прикрытых, чиновников мы называем «младенцами». Якобы чисты, якобы непорочны, спасены и в этом мире и в любом ином.

Если верить магам-защитникам, «младенец» не получит воздаяния, но чистым перейдёт в новую жизнь.

Протектор – могучий дух.

Наш некронавигатор, используя канал связи, выведет те-

бя на того, кто прикрывает от гнева пробуждённых существ бардо твоего, лично твоего негодяя.

Твоя сила и необыкновенные способности, которые непременно проявятся у тебя в новом мире, помогут тебе...»

Пузыри на губах. Кровавые ручейки текут по ногам.

«...уничтожить Протектора. Лишившись защиты...»

Долгий стон.

– Анастасий, он потерял сознание, – шепчет капитан.

И кричит санитару:

– Шар готовь! И пилу!

Звенят цепи карусели. С тяжёлым, прерывистым гудением всё быстрее и быстрее вращается вибрирующий, из стальных секторов сваренный карусельный круг.

Взлетают, поднимаясь всё выше, кресла.

Быстрее, быстрее, быстрее!

Чёрные листья летят навстречу, чёрным, под ветром шевелящимся облаком проносятся возле самого лица, едва не задев кожу, улетают прочь, обдав дождевыми синими брызгами, улетают, чтобы на следующем круге вновь понестись навстречу – и в последний миг, по логике карусельного движения, вновь отвернуть, пролетая мимо.

Быстрее...

Всё надсадней гул двигателя, всё тяжелее давит звук на перепонки, и вылетают уже из деревянного основания карусели красные снопы предпожарных искр и, зацепившись за ве-

тер, вытягиваются длинной вертикальной спиралью, поднимаясь к сливающимся в кольцо верхушкам деревьев, и сами свиваются в огненное кольцо, змеем Уроборосом стараюсь поймать себя за хвост.

Жар нарастает и...

Застегивают головной обжим с контрольными датчиками. Провода тянутся к Белому шару.

«Как видите, название вполне соответствует внешнему виду прибору. Шар действительно белый. Это изобретение мага Эгреуса, идею которого он почерпнул в одном из средневековых гримуаров, авторство которого современные эксперты некромантии приписывают одному из учеников великого Джона Ди.

Собственно, изначально это было лишь средство фиксации терминальных психовитальных параметров преагонального стадии Перехода.

В последующем, проведя некоторые усовершенствования, маги смогли превратить этот прибор в своеобразный некропередатчик, позволяющий не только вести записи терминальных процессов, но и поддерживать канал связи с тем, кто совершает Переход.

Последняя же модель Белого шара, которую мы приберегли для вас, Тимофей, позволяет не только осуществлять связь (к сожалению, одностороннюю из-за некоторых особенностей состояния психика пост-переходного «Я»),

но и воздействовать на некро-объект.

То есть, на ваше перерождённое сознание...

Чёрт, что за отвратительный запах! Позовите уже санитаров... За какой пилой? Рано...

Сейчас идёт запись...»

Волны света бегут по проводам к шару. И шар начинает светиться изнутри.

«...а потом, как я и говорил, мозг, представьте себе, ещё не остывший, будет помещён... Что позволит сохранённой информации поддерживать иллюзию существования личности в те критические мгновения, когда осуществляется постпространственный скачок, именуемый Переходом...»

Санитар тянет шланг. Вода льётся на пол.

«да, и отмойте пол...»

Анастасий наклоняется к умирающему. Прислушивается к стихающим стонам.

И шепчет последнее, что хотел досказать:

«Как ты узнаешь, что не обманут нами? Пожалуй, я дам тебе подсказку. В мире, где ты, вероятнее всего, окажешься – жарко и душно. Там бывают туманы, есть реки и трясины. Встречаются даже леса!

Но данные наших навигаторов свидетельствуют о том, что в этой стране проблемы с осадками. Что-то там с небом не в порядке. Не знаю, как там умудряются выживать растения... Впрочем, у того мира свои законы, и откуда нам знать, какие они. Всё же иллюзорно, да и наш мир, признаться, то-

же иллюзорен. При переходе одна иллюзия сменяется другой, и й той, другой, картинки могут быть причудливей привычных.

Как только ты выполнишь программу, совершится переход...»

– Да он вас не слышит! – кричит капитан. – Хватит!

Но Анастасий продолжает:

«Признаки этого перехода таковы: начнётся дождь. И когда ты почувствуешь его...»

Умирующий хрипит. Тяжкий, долгий выдох.

Чегоди трогает Афанасия за плечо.

– Время дорого, маг!

Смотрит на браслет-органайзер.

– Восемь часов сорок три минуты... Приступаем!

– Больно, Тима!..

Он замер, схваченный внезапным посреди апрельского полдня острым, жгущим кожу морозом.

Подбежал к жене, склонился над ней. И...

Стих рёв турбин красного ситикара.

...увидел, что от колёс машины к тому месту на обочине, где лежит, скорчившись, его жена, тянется широкая, тёмная полоса.

Крови.

Тимофей протянул руку, попытался поднять жену.

Она застонала, попыталась подняться. Но после первой же

попытки тяжело осела на землю.

– Не могу... глубоко дышать... Кажется, рёбра...

С шипением открылась дверь ситикара и медленно, озираясь по сторонам, выбрался из салона водитель.

Молодой круглолицый парень со слегка вытарашенными то ли от испуга, то ли от природы глазами.

Губы его кривились и прыгали.

«Презрение или страх?»

– Я помощь вызову! – крикнул жене Тимофеей и побежал к машине. – У меня же страховка есть!

Он подбежал к машине и схватил водителя за локоть.

– Вызови медицинскую службу! Вызови! Слышишь?

И затряс руку.

Водитель, разом придя в себя, отстранился брезгливо.

И, разжав правую ладонь, показал Тимофеею синие линзы на потной коже.

– Видишь, гад? Оптокректора, импортный вариант! На биоклее! Вылетели... И ещё я из-за вас об руль ударился! Грудью...

И, сморщившись, левую ладонь поднёс к сердцу.

– В суд подам! Какая служба? Я вам ничего не должен! Ничего! Убирайтесь!

И, глянув в опасно заблестевшие глаза голодранца, попятился к машине.

Не закричал уже, а зашептал, по возможности грозно, предупредительно:

– Со мной шутки плохи! Мы с районным прокуратором – лучшие друзья. Так и знай... Стой, не подходи! Я тебе ничего не должен, вы сами под колёса полезли!

– Сволочь! – преодолевая удушливый спазм, прошептал Тимофей. – Здесь люди гуляют, здесь вообще проезд запрещён. Ты мою жену сбил! Она беременна!

Сорвавшись на крик:

– Подонок! Вызови!..

Отбросив линзы куда-то в лесную траву, круглолицый, развернувшись, залетел в машину и нажал кнопку экстренной блокировки.

Дверь, с важным и протяжным шипением, а с быстрым, почти реактивным свистом, закрылась и отчётливо щёлкнул блокировочный замок.

– Сам разбирайся! – рывкнул динамиком ситикар. – Сам со своей женой разбирайся! Я вас не знаю! Впервые вижу! Шантажисты! Голодранцы, и голодранцев плодят! Вас на органы давно пора пустить! Уйди, а то полицию вызову! Да я...

И динамик захрипел, захлебнувшись в истерическом плаче.

«Больно, Тима...»

– Открой!

И Тимофей, подбежав к ситикару, ударил кулаком по капоту.

И увидел, как быстро задвигались, набирая обороты, лопатки турбин. И затягивающий, плотный поток полетел

в широко раскрытые воздухозаборники.

– Стой! Не смей уезжать! Не смей, ей помощь нужна!

Ситикар, кормой проламывая себе дорогу в зарослях барбариса, задним ходом задвигался в сторону заброшенной трассы «Балчуг».

– Остановись же! – закричал в отчаянии Тимофей.

«Здесь глухое место! Здесь нет телестанций! Здесь никого нет!»

Ситикар ускорил ход.

Тимофей побежал вслед за ним.

Споткнулся, упал головой вперёд.

И, взглядом наткнувшись на показавшийся из травы камень, протянул руку.

«Не уедешь, сволочь! Нет!»

– Двадцать пятое апреля, одиннадцать сорок два, – отозвался ситикар. – Установлена связь с управлением полиции кондоминиума «Центр», вызов...

Тимофей поднялся. Вытер кровь с разбитой губы.

В ладони тяжелел камень.

«Тима, пойдём домой... Мне плохо, тошнит...»

Размахнулся.

Камень рикошетом отлетел от стекла.

И трещины серебристым узором пошли по тёмно-синей тонировке.

Старик открывает книгу, читает.

«Жизнь есть величайшая милость, смерть – величайшая немилость. И, посему, надо прожить большую часть жизни – **ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС!** Нет ни небес в сиянии славном, ни ада, где жарятся грешники. Здесь и сейчас день наших вечных мук! Здесь и сейчас наш день наслаждения! Здесь и сейчас наш шанс! Выбери же этот день, этот час, ибо спасителя нет!»

Пальцем показывает ан потемневшие стропила потолка.

– Антон Шандор Ла Вей! Вот так, малыш...

Откладывает книгу. Подходит к печке и, прихватив полотенцем за раскалённые ручки, снимает кастрюльку с супом.

– Бурду мою похлебаешь?

Принюхивается, блаженно зажмурившись.

– Сегодня аппетитная бурда получилась. На заброшенном огороде я раздобыл пару картофелин, а потом, заметив высохший на августовском солнышке хвостик, выкопал и луковицу. Небольшую, но на суп хватило. К сожалению, масла у меня нет, даже синтетического, оттого применить древний метод улучшения заправки при помощи пассировки, я не смог. С мукой, кстати, та же история, что и с маслом. В общем, бурда не слишком сложна по составу, не богата всевозможными ингредиентами, не облагорожена заморскими специями, но...

Зачерпнув чёрной от времени мельхиоровой ложкой жидкость с краешку кастрюли, попробовал, причмокнув радостно, и завершил речь радостным восклицанием:

– ...Но всё же вкусна необыкновенно! Присутствие натуральных продуктов в сей кастрюле помогло чуду свершиться, и при минимальных затратах бедный сумасшедший учёный сможет, пожалуй, предложить своему гостю вполне приличную похлёбку, которую я, понятно, лишь в силу природной кулинарной скромности именую «бурдой». Кстати, тарелки у вас с собой, конечно, нет?

Гость пожал плечами. И вздохнул.

– Так я и знал! – воскликнул старик. – Люди совершенно разучились бродяжничать! Когда я покинул свой дом, то, помимо флеш-карт с записями, прихватил ещё и кружку, чашку, две пластиковых тарелки, складной ножик и деревянную вилку, которую когда-то на досуге сам вырезал из вишнёвого поленца. Сначала хотел вырезать две вилки, но уж больно много дерева ушло в расход... Да, и ложку! Чудесную алюминиевую ложку тоже взял с собой. Она, кстати, до сих пор цела. А у вас, молодой человек, и ложки с собой наверняка нет! Я прав?

Гость виновато опустил голову.

Старик великодушно махнул рукой.

– И ладно! В конце концов, превратности бродяжьей судьбы учат не только мудрости и смирению, но и отказу от совершенно излишней при таком образе жизни брезгливости. Будем с аппетитом хлебать бурду одной ложкой из одной кастрюли. Потому что взятые мной когда-то из покинутого дома тарелки слишком мелкие и для супа совершенно не го-

дятся. Сам-то я ем прямо из кастрюли, которую когда-то нашёл в покинутом доме на краю Рублёвской пустоши... Да!

Он подвинул гостю табуретку.

– Вместо стола, как видите, вот эта деревянная коробка... Так что устраивайся сам, в меру изобретательности. А я стоя... При моём росте это не проблема.

Гость благодарно промычал что-то невнятное в ответ. После чего попытался пристроиться на табуретке, бывшей одновременно косолапой (ножки её были нерадивым столяром развёрнуты под совершенно неподобающими табуреточным ножкам углами) и колченогой (ибо ножки, к прочему, были ещё и разной длины, что при отсутствии весовых нагрузок было практически незаметно, но при наличии таковых – заметно весьма).

Пару раз чуть не упал на пол, едва не утратив равновесие в битве с непокорной мебелью.

Но потом всё же устроился. И замер в полной неподвижности, глядя прямо перед собой на сбитую из едва оструганных досок стену барака, на которой в полном беспорядке и нарочитой бессистемности развешаны были закреплённые ржавыми канцелярскими кнопками и гнутыми из медной проволоки крючками семейные, посеревшие от многослойной пыли фотографии.

– Семей мой любишь? – осведомился старик.

Черпнул ложной суп и, сделав глоток, передал её, обгрызенной ручкой вперёд, гостю.

Тот промолчал в ответ. И даже не кивнул в знак согласия, хотя смотрел явно на фотографии, а не на что-нибудь ещё.

Впрочем, на что ещё можно было смотреть?

Иных украшений на стене не было, если, конечно, не считать таковым висевшую в углу на гвозде плетёную из красной ивы корзину, заполненную до краёв сухим зверобоем и крапивными стрелами.

– Да, у меня была семья, – с гордостью сказал старик. – Вот жена...

Он показал на одну из фотографий.

– Памятный снимок... Очень дорог для меня. Это было на моём шестидесятилетии. Великолепный зал в дорогом ресторане. Множество гостей, тосты, поздравления, подарки, аплодисменты, поцелуи, цветы и торжественные гимны... Рукопожатия, похлопывания по плечу и так далее, так далее... Подумать только, каких-то семь лет назад всё было именно так, я не шучу! Да, какие уж шутки... Видишь, малыш, брошь на её платье? Даже сквозь пыль лучится! Ещё бы! Между прочим, с изумрудом. Мой подарок, да... Тогда я ещё мог позволить себе такие подарки. Мог позволить себе иметь семью... Да что семью, жизнь! Интересно, рискнёт кто-нибудь из моих тогдашних гостей протянуть мне руку, преодолев естественное чувство брезгливости? Или похлопать по плечу, не боясь переселения блох с моего живописного наряда на вычищенный слугами элегантный и солидный офисный костюм или министерский

мундир? О, меняется жизнь... Я не утверждаю, что к худшему, вовсе нет! Она просто меняется. И, если уж быть честным перед самим собой, то надо признать, что разительная перемена образа жизни была следствием сделанного мною выбора. Добровольного и сознательного, между прочим... И ещё между прочим замечу, что вы уже сдали пять глотков, в то время как я – всего один!

Старик отобрал ложку у гостя (с некоторым трудом, так как гость, совершенно неожиданно для себя почувствовав голод, ручку ложки выпустил с неохотой и даже попытался промычать что-то грозное, переросшее в лёгкое, сдержанное и быстро прекратившееся рычание).

– Нет уж, теперь моя очередь! – заявил старик. – Ты плохо ведёшь себя, малыш. Ты совершенно не обучен хорошим манерам и не умеешь вести себя в гостях. И ещё, как я вижу, у тебя явно не все дома. Как сказал бы один из моих бывших друзей, доктор Гельм, у тебя, любезный, посттравматический шок психогенной природы. Не знаю, что этот мерзкий и жлобский мир сотворил с тобой... Подозреваю, что нечто очень, очень нехорошее. Но даже это не даёт тебе права лишать меня обеда! Так, именно так!

Старик нарочито медленно, с расстановкой, сделал ровно пять глотков и вернул ложку гостю, который всё это время, вывернув голову, смотрел на хозяина грустно-молящими дворняжьими глазами, большими и чёрными.

– Надо сохранять чувство собственного достоинства даже

в самой,.. – начал было хозяин стариковское нравоучение.

Но потом махнул рукой.

– А ну его, это достоинство! Очередной мираж, глупость, самообман. Правда?

Гость, прихватив зубами горячий кусок картофелины, замычал от боли.

– Вот, вот,.. – продолжил старик. – Одно мучение с ним. А я вот, малыш, пытался его сохранить. Глупо, да? Тем более глупо, что поначалу на него никто и не покушался. Социальный статус надёжно защищал от покушений. А потом... На горе себе, сделал открытие. Открыл дверь, ты понимаешь? Дверь туда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.